

ПАВЕЛ НЕРЛЕР

БОТАНИЧЕСКИЙ САД

КНИГА СТИХОВ 1970–1987

ImWerdenVerlag
München 2005

Посвящается С. Ц.

Печатается по изданию: Нерлер П. Ботанический сад. Книга стихов. — М.: Арт-Бизнес-Центр, 1998. — 150с.
© Павел Нерлер, 1998
© Семён Липкин, предисловие, 1998
© «Im Werden Verlag». Некоммерческое электронное издание. Мюнхен. 2004
<http://www.imwerden.de>

ОГЛАВЛЕНИЕ

«Преодолей соблазн страницы...» (С. Липкин)	8
---	---

ОБРЕТЕНИЕ ПСЕВДОНИМА

1. Пролог	10
2. Весна.....	10
3. Лето	11
4. Осень	11
5. Зима.....	11
6. Эпилог.....	12
7. Кода	12

I. СТРИЖИ

Стрижи	13
Фанагория	13
Луковня	14
Ноябрь	14
«Все, что сеем,— взойдет..»	14
Разговор с Грином	
1. «Меняет снасти, чистит трюмы...»	15
2. «Страдалец — по волнам бегущий...»	15
3. Старый Крым.....	16
Комариные реки	
1. «Гудят поемные луга...»	16
2. «Белесых суток считывая гранки...»	16
3. «Когда отходит август по стерне...»	17
«Речка Колокша ль виновата...»	17
Памирская двойчатка	
1. «В могучие русла въезжаю...»	18
2. «... И горные вызубрив тропы...»	18

Зедазени в тумане.....	19
«Белосинья гжель на комодe...»	19
«Все, что я в жизни раздобыл...»	20
У старых друзей	
1. «С двумя бутылками дешевого «Эрети»...»	21
2. «Мой странный друг, тиха твоя квартира...»	21

II. НЕГОРДОЕ ВРЕМЯ

«Как сыро позади!...»	22
«Могучий вздох. Могучий выдох...»	22
«Ты ушла в телефонные дали...»	23
Новый год.....	23
«Пока мы говорили — рассвело...»	23
«Вновь на полу рассыпана картошка...».....	24
«Я негордое время вспомню...»	24
Донской монанстырь	25

III. ОРГАННЫЙ ЧИН

«Купила мать живую рыбу...»	26
Органый чин	26
«Раздроблено время в песок без остатка...»	28
Клавир	
1. «...А пальцы — в захрустальном напряженьи...».....	28
2. «Вот — Куперена оперенье...»	28
Пиросмани	
1. «Налево — клеенчатый воздух...»	29
2. «Когда б ни родни кривотолки...»	29
В мастерской	29
Экспромт.....	30
«Двери райские настезь открыты...»	30
«Рассудок выпила наука...»	31
«В наш дерзкий век инструкций и колготок...»	31
Москварь	
1. «Стада закатов сечь крестами...»	32
2. «А в Столешниковом ночью...»	32
3. «В тысячелюдном доме...»	32

Лыжная прогулка	32
Картинка	33
«Луна летела вслед за электричкой...»	33
Окно	34
«Куда ты, милый, не спеши...»	34
«Я бы должен догадаться...»	34
«Ты сбеги дорожкой торной...»	35
Стансы	36
Сентябрь	37
Теряевская слобода	38
«Не крещен и не обрезан...»	38

IV. БОТАНИЧЕСКИЙ САД

Два имени	39
Коктебельские камушки	
1. «Слышны седые разговоры...»	40
2. «Как редко в небо поднимаем...»	40
«Преодолей соблазн страницы...»	41
«Наши речи прямые, но бракованы мысли до вздоха...»	41
Стихи о неизвестном поэте	
1. «... На раскопе большого скандала...»	41
2. «Меловые столовые горы...»	42
«Жена стирает форменные брюки...»	43
Художник	43
Архангел Гавриил Златые Власы	43
Остров Врангеля	44
Караимское кладбище под Бахчисараем	44
Гунибские строфы	
1. «Над Гунибом застыла луна...»	45
2. «Что за слово такое — Гуниб?..»	46
3. «... Ну а мы? Что же выпало нам?..»	46
Кубачи	
1. «Ночь, туман и Кубачи...»	46
2. «Неоглядные горы уснули...»	47
Ботанический сад	48
15 июня 1980 г.	48
Фарнаоз	49

V. ВИСОКОСНЫЕ КРУГИ

«У твоей подруги — умная душа...»	50
Зимние ночи	50
Ты далеко.....	51
С тобою	52
«Пока утешеньем последним...»	52
«Черемухой обмахивайся, май...»	53
«Не умолкает в сумерках поток...»	53
Невские стихи	54
«Что ты ищешь в этих соснах?...».....	55
Тракай	55
Сад Муштайд.....	56
Разговор с сыном	56
Тарусские стихи	
1. «Вслепую, наугад, поодиночке...»	57
2. «Когда в душе смятение и мука...»	57
3. «Мы еще долго будем пахнуть дымом...»	58
4. «Благоухало лето...»	58
Стена	59
Линия жизни	59
«Вот и пройден порог високосный...»	60
«Ни случайная ласка...»	60
«Один сказал душе: живи бесповоротно!..».....	61
«Она ушла, и с нею вместе...»	61
«Есть близорукие высоты...»	62
«С любимыми не расставайтесь...»	62
«... И я повторю без испугу...».....	63

VI. НЕКРОПОЛЬ

Востряково.....	64
Памяти И. М. Маергойза	64
Ботанический сад в Тбилиси	
1. «Как странно мне наследовать чужое...».....	65
2. «Мы копим соли горные кристаллы...»	65
3. «Я разлюбил подсматривать за лесом...»	66

Фотограф	
1. «И даже каменная лестница — скрипит...»	67
2. «... И пристального взгляда окуляр...»	67
Юминское	
1. «Сквозь разрывы кувшинок влажных...»	68
2. «Прошелестела всей листвой...»	68
3. «Хранит ли губка влаги той следы...»	68
4. «Прощай, прощай, учитель мой веселый!..»	69
Памяти А. Б. Вишняка	70
Больница № 7.....	70
Переделкино	71
Памяти Е. К. Лившиц.....	71
Памяти Н. Я. Мандельштам.....	72

«ПРЕОДОЛЕЙ СОБЛАЗН СТРАНИЦЫ...»

Меняются эпохи, культуры, значимость народов и стран, — неизменно понимание красоты поэтической словесности. Это понимание твердо и прочно опирается на незыблемость двух опор — важности, точности, необходимости слова и его неповторимой музыки, причем ее неповторимость всегда таинственна, ее невозможно построить искусственно, придумать, расчислить.

Как сильно изменился быт человека со времен, скажем, индийской «Махабхараты», библейских преданий или поэм Гомера, и как мало изменился сам человек, он точно так же взыскует правды, ревнует, завидует, хочет познать добро и зло, свет и тьму, любит, жертвует собой, он так же могуч и беспомощен, как стародавние герои древности. Искусство бессмертно, потому что бессмертны духовные поиски человека. Не в этом ли одна из причин того, что нам, русским читателям, одинаково близки Державин, Батюшков, Пушкин, Некрасов, Блок и другие поэты серебряного века, и совсем уже молодой Бродский, и одинаково чужды беспомощные, пусть в свое время шумные, виршеслагатели, будь то последователи графа Хвостова или Крученых, Ратгауза или Лебедева-Кумача?

Все истинные поэты, не только великие, но даже скромного дарования, — наши современники, собеседники, а лишённые божественной искры утонули в Лете, даже в том случае, если они, согласно паспортным данным, числятся среди живых.

Читатели русских стихов избалованы величием, глубиной мысли и художественной гармонией родной поэзии. Остаться в русской поэзии даже третьестепенным ее деятелем — огромная, неслыханная, почти невозможная честь.

Все вышесказанное необходимо повторять и повторять, когда заходит речь об имени новом, о поэте пока мало известном, предлагающем читателем свою первую книгу.

Вряд ли имя Павла Нерлера много скажет любителям поэзии (хотя они имели случай познакомиться с ним по периодическим изданиям), разве что вспомнят это имя, как принадлежавшее автору серьезных исследований о Манделъштаме.

Стихи для печати Нерлер отбирает скупно, придирчиво, Когда-то Мария Петровых, столь ценимая Манделъштамом, призывала: «Умейте домолчаться до стихов». Нерлер следует завету Петровых:

*Преодолей соблазн страницы
И затупи карандаши,
И с тем, что жаждет отразиться,
К заветной книжке не спеши.*

Как нужна молодому поэту твердая рука, преодолевающая соблазн страницы! И мы верим признанию нашего автора: «Меж зеленью вод и холмами двухтысячелетних могил я с греками дружбу водил». Это строки навеяны южной, лермонтовской Таманью, но та же точность и ясность слова не покидает автора и среди тундры:

*Здесь каждый вздох кочкарником оброс,
пушится ягель и болото мишится,
грибная мякоть ломко шелушится
и не молчит стоярый кровосос.*

Опыт географа дает поэту возможность бродить по Сибири «Уременный мед с багульником мешая» и понять, оказавшись в Горном Бадахшане, что «горные мышцы Памира такая ж рабочая лира, но только в высоких руках».

Трогательны и серьезные стихи Нерлера о своем наставнике в поэтическом ремесле Аркадии Штейнберге, превосходном лирике, блестящем переводчике Мильтона и оригинальном живописце. «Учитель мой веселый», — так обращается Нерлер к мастеру с тяжелой судьбой, но никогда не унывающему, и напоминает нам о его смерти тоже лишенной уныния, на берегу привольной реки:

*Все кончено? Конечно! И твой ясный
Прощальный взгляд стремнина отнесла,
И смерть твоя, как жизнь, была прекрасной,
Ты сам хотел такую — у весла.*

Хороши переводы Нерлера из Рильке. Переводчик нашел собственный почерк, чтобы передать движение необычной немецкой строки. находка в том, что удалось воспроизвести экспрессию Рильке:

Какой скрипач нас трогает смычком!

Постоянный в своих странствиях — от Кавказа до Памира, от неvkских вод до тундры, автор столь же постоянен и в своей лирической привязанности.

Вольные, воздушные строки поэта внушают уверенность в его поэтическом будущем:

*Не ради славы стоит стих слагать,
А ради отражений и тумана...*

Семен ЛИПКИН

ОБРЕТЕНИЕ ПСЕВДОНИМА
МАЛЕНЬКАЯ ПОЭМА

Памяти «тети Шуры» (А. М. Калединой) — хранительницы
храма Покрова-на-Нерли

«От монастырских косогоров
Широкий убегает луг...»
(О. Мандельштам)

«Плывет. Куда ж нам плыть?..
(А. С. Пушкин)

1.

Пролог

Детское, святое вдохновенье,
каменная, розовая явь.
У любви — единственное зренье,
и луна, послушная теченью,
небеса пересекает вплавь.

Это здесь я был застигнут словом,
здесь — любовью, с мукою в оплет,
и, двойным окутанный покровом,
я к любой беде вставал готовым,
— кроме той, что мне перепадет.

2.

Весна

... По траве пожухлой, как по сходням,
путь знакомый долог — ну так что ж?
Да пребудет вечное сегодня! —
в отраженном небе половоднем
на холме, как в лодке, ты плывешь.

Мир еще знобит под тонкой льдинкой,
а уже небесный льется звук.
И под серебристую сурдинку
жгут траву, и прошлогодней дымкой
пахнет зыбкий, отдохнувший луг.

3.
Лето

Подсыхают луговые балки.
Соловьи клюют ночную тишь.
В старице купаются русалки,
и галдят, галдят об этом галки
и срываются с крестов и крыш.

Мотыльков полуденных круженье.
Ночь в стогу, кузнечик у виска.
И плывут, согласно назначенью,
золотые катеты сеченья,
ангелы, созвездья, облака...

4.
Осень

... Ночью белый камень источает
кладки алебастровую суть
и тепло дневное возвращает —
всем и вся смущает и прельщает,
бередит и не дает уснуть.

Угольков прощальное мерцанье!
запах воска! тяга к ворожке!..
Не заметишь в утреннем тумане,
как твое святое пониманье
встрепенется и умрет в тебе.

5.
Зима

Скирды под снегами коченеют,
с краем луга слился неба край —
лишь кусты прибрежные чернеют,
и хрустит, и дышит, и густеет
льдинами срезаемый припай.

Скоро погрузится все в молчанье —
и следов запорошится нить...
Только поезд ухнет за плечами —
каково нестись ему ночами,
без следа пространство колесить?

6.
Эпилог

Вот и кончен круг. Долой с орбиты —
лодки-спички, щепки-корабли!
Это я, укутан и воспитан,
запускал вас с видом деловитым
и следил, чтоб весело вы шли...

Снегом запорошена протока,
со стеклянным хрустом лед трещит.
Наглухо забиты щели окон:
уйди отсюда, от истока —
устье новое, привольное ищи!

7.
Кода

... Снег валит — широко и без срока,
и на всей равнине — ни души.
Здесь ты жил счастливо и высоко...
Оглянись — следы твои далеко,
и заносит их... Спеши, спеши!..

И в каком бы ты ни сбился круге,
что б ни предстояло впереди,—
этой церкви трепетные дуги,
словно имя нежное подруги,
будешь помнить и носить в груди!

1978—1979

I

СТРИЖИ

*Я шел по жизни, как умел,
— стихи писал и песни пел...*

* * *

Когда стрижей веретено
прядет зарю и небо ткется,
— мне отвлекаться удается,
но оторваться не дано.

Не быть росе — так быть грозе,
не быть стихам — так быть разбою!
И кем мне быть, как не собою,
в прозрачной рея бирюзе?

1975

ФАНАГОРИЯ

Под низким азовским звездинцем,
боспорского близко царя,
я прожил монаршим любимцем
страницу календаря.

Мне чайки кричали в тумане
о прошлом соленой земли,
и добрые руки Тамани
ко мне в изголовье легли.

Меж зеленью вод и холмами
двухтысячелетних могил —
я с греками дружбу водил,
и солнца сияли над нами,
пока я друзей находил.

1975

ЛУКОВНЯ

О. Розенфельдт

Там водорослей зыбкие начесы
ласкают становые валуны
там юрких водомеров табуны
ткнут полотно из призраков белесых.

Там речки полусвязное реченье
мурлычет и баюкает зарю...
Меня несет бесстрастное течение
вниз по реке и вверх по букварю.

1975

НОЯБРЬ

Озябший лес, заиндевелый...
Потухший лист и не шуршит...
Как полыхал! О, как горел он!
— но память им не дорожит.

Людским ошпаренный забвеньем,
летит он в оспинах гниенья,
в ажурных стынет кружевах
и молча канет — в тлен и прах...

Земля запьет его снегами
и, наскоро переварив,
распределит между корнями
деревьев, трав и хлебных нив.

1972

* * *

Все, что сеем,— взойдет:
    через год, через два, через три...
Золотого зерна туесок пополей набери —
и живи, не жалея
    добрых дел, поцелуев и строчек,
и не бойся ни смерти, ни жизни,
                                    ни лжи, ни отсрочек!

Беспорядочный строй
    отстоится и станет системой,
                            и оброненное слово
    откликнется гулкой поэмой,

3.

СТАРЫЙ КРЫМ

Ползет по яблоне улитка,
и розовый бутон цветет.
Скрипит без устали калитка —
кого нелегкая несет!

В глухом саду синеют вишни,
и правы, может статья, Вы:
здесь моря нет, но море слышно
сквозь шелестение листвы.

За крепким самоварным чаем
мы вместе сумерки встречаем:
не надо, ястреб, не грусти —
на то и уголь, чтоб цвести!

1974—1979

КОМАРИНЫЕ РЕКИ

1.

Гудят поемные луга,
пчелиною качаясь дрожью,
вернулись реки в берега
и в пыль смолосось бездорожье.

Снует июль, сметав стога,
повсюду ягоды рассыпав,
а мне опять пора в бега
от полувздохов, полувсхлипов...

А в тундре мошкара да мга —
неромантическая гамма,
синеет грязь на сапогах
и мох пружинит под ногами.

2.

Белесых суток считывая гранки,
учебник тундры нехотя открой:
прекрасен мир и с северной изнанки,
где царь — комар, а человек — герой!

Здесь каждый вздох кочкарником оброс,
пушится ягель и болото мшится,
грибная мякоть ломко шелушится
и не молчит стоярый кровосос.

Как мщенье верное, как близкая погоня,
он в бритвокрылом воздухе звенит,
иголками по коже семенит
и в недопитой капле крови тонет.

3.

Когда отходит август по стерне,
мне часто снятся мартовские пашни
— как бы чертеж невозведенной башни,
иль добрый стих, набросанный вчерне.

А лето, словно рыбина большая,
на желтый лист затравленно клюет,
и берегом смородина бредет,
уремный мед с багульником мешая.

Ну что ж, прощайте, кочки-кореша,
мошка-морошка, сапоги-заброды.
Рули домой, глотнувшая свободы,
щетиною обросшая душа.

1975

А. Сопровскому

Речка Колокша ль виновата?
Иль окна гундосный проем?—
мы о разном с тобой поем,
два таких непохожих брата.

Колобком от недобрых рук,
кувырком от недоброй воли,
— ты хватаешь из сердца колья
на судьбу, что кишит вокруг.

Ну а я выверяю шаг,
колешу свои окоемы...
До тебя километры дремы,
сотни споров и передряг.

1975

ПАМИРСКАЯ ДВОЙЧАТКА

1.

В зубчатые русла въезжаю,
кошусь на отвесный рожон.
Грядущее с прошлым мешаю,
стреножен и заморожен.

Мой взгляд оседает на склонах,
потоками сносится вниз:
в эпохах безвременно оных
какие события стряслись?..

Какие события стрясутся
на нашем с тобою веку,
пока эти овцы пасутся
и лошади ржут на скаку?..

2.

...Но горные вызубрив тропы,
я понял, что благостен мир.
Но призывом катастрофы
повсюду пронизан эфир.

Когда из разверстого ада
воздвигнутся пламя и дым,—
Не будет, мой храбрый, пощады
ни сильным, ни добрым, ни злым!

И совесть, и мужество бренны —
лишь музыка брезжит в веках!..
А боги вдвойне вдохновенны —
смешон им стенающий прах!

И горные мышцы Памира —
Такая ж рабочая лира,
но только в высоких руках!

1977

ЗЕДАЗЕНИ В ТУМАНЕ

К. Томарадзе

Клубилась пропасть под моей ногой,
когда я замер вдруг на этом гребне:
на миг возникнув в пустоте парной,
величественно таяли деревья.

Округлый вход в сырое никуда.
Нет, выход из сырого ниоткуда.
Молочная, летучая вода,
бессмертных черепков слепая гряда.

Размытых контуров слепая пелена,
провал портала тает, не зияет.
Ты говоришь: старинная стена...
Зрачок не видит, только различает.

Ты говоришь: не видно Джвари, жаль...
Не видно Джвари — ну так и не надо.
Но посмотри — какая нам награда —
Картвелии туманная печаль!

... И я поверил медленным холмам,
я их покоя словом не нарушу.
Повсюду пробирается туман,
и влага обволакивает душу.

1977

* * *

О. Савельевой

Белосиняя гжель на комодке,
каолиновый хмель в голове.
Как не стыдно весенней природе?
Отчего не поет соловей?

И зачем этот хлещущий ливень
Так бесстыже по улице мчит?
И, застенчивой птички пугливой,
почему репродуктор молчит?

Эх, весна, с соловьем под полою,
ты не шерсти мотаешь клубок —

ты сочащийся ломтик алоэ
мне кладешь на горящий висок!

...А хозяйка сложила вязанье,
и блеснула слеза, как блесна...
Неужели мне все в наказанье —
даже хмель, даже гжель и весна?!

1977

* * *

А. Нейману

Все, что я в жизни раздобыл —
колоду лет и масть судьбы,
и безоружную округу —
в крутую грязь, долой с арбы
я сброшу, если нужно другу.

Но горько мне, уж мы не те,
мы исчезаем в пустоте,
жестокость наша так невинна!
— и мы шагаем по черте,
секущей мир на половины.

Не нам судьбу свою решать,
мы не умеем помешать,
но понимаем отрешенно,
что этот мир душелишенный
легко на атомы разжать...

Царапнет голос тишину,
и ляжет зернышко к зерну,
а в ухо ляжет капля яда:
— Ну что ты, друг мой, что ты, ну?!..

А другу ничего не надо.

1974

У СТАРЫХ ДРУЗЕЙ

Леше и Лиле

1.

С двумя бутылками дешевого «Эрети»
я вновь взбегаю на ступени те,
где некогда любил я всех на свете,
рассевшихся в радушной тесноте.

Я помню все: что пили и что пели,
и с кем смеялся в ласковых потьмах —
и вольные висели акварели,
как птицы на печальных деревьях.

2.

Мой странный друг, тиха твоя квартира,
лишь очага нестелющийся дым...
Открой вино, нарежь немного сыра —
мы снова вместе за столом твоим!

Как все ушло, как сгнуло в тревогу!
Умолкла флейта и вступил гобой.
Но живы мы еще — и слава богу,
и вместе мы, и пьем еще с тобой!..

1978, 1980

II

НЕГОРДОЕ ВРЕМЯ

М. Ф.

Иду аллеями и кленопись читаю...

* * *

Как сыро позади!
Был путь упрям и сложен.
Мы снова песню сложим
и разведем костер.

А песня из груди —
как лезвие из ножен:
иди, будь осторожен!..
И ветер звуки стер.

1973—1975

* * *

Могучий вздох. Могучий выдох.
Могучих бицепсов бугры.
Покоясь на кариатидах,
живут несхожие миры.

Они живут волчком по кругу,
и нет отказа им ни в чем.
И руки тянутся друг к другу,
сведенные параличем.

1975

* * *

Ты ушла в телефонные дали,
черный диск раскрутился назад.
Ты вернешься ко мне едва ли
сквозь октябрьский листопад.

По Москве мы с тобой не бродили,
не глядели на пляшущий лист
одинокий,
по снежной пыли
нас не мчал говорливый таксист...

Ты меня позабудешь однажды,—
да не будет тебе тяжело.
Каждый лист одинок,
и каждый
носит леса всего тепло.

1976

НОВЫЙ ГОД

Гляжу на улицу и ощущаю ясно,
как за спиной вернулся старый год,
как гасит он коптящие напрасно
гирлянды и соцветия невзгод.

А новый год, как новый гад, крадется,
скользя и падая по мостовой;
ему еще придется и придется
сводить и разводить меня с тобой.

Ему еще работать и работать —
ворчать, кричать, ворочать, ворошить...
Куда девается страданий наших копоть?
где копится? зачем мешает жить?

1974

* * *

Пока мы говорили — рассвело.
От свежести тебя слегка знобило.
Мост выпрямил отекшее крыло,
и солнце незаметно пробудило
далекий лес, далекое село...

Нас развело не то, что единило.

И в поднебесье голову задрал,
я выдохнул бессонную усталость...
Мне показалось, я как будто прав.
Мне показалось...

1973—1976

* * *

Вновь на полу рассыпана картошка,
наверно, вновь слетелись соловьи...
Едва ли помнит лунная сторожка —
шаги твои.

От сырости растрескалась известка,
пищат галчата где-то в вышине...
Я знаю: будет горько, будет жестко —
окно в окне.

А утром я от солнца онемею,
протру глаза и в старицу нырну...
Я ни забыть, ни помнить не умею —
тебя одну.

1975

* * *

Я негордое время вспомню,
поклонюсь тому сентябрю,
все, что скажешь, велишь —
исполню,
только разве что не повторю

— эту оторопь, эту легкость
отрешенья от всех основ,
целомудренную неловкость
первых слов и последних снов...

... И нисходит ко мне свобода,
словно елочный шар пустой.
Нелюбви еще нет и года:
уйди, родная, не стой...

1975

ДОНСКОЙ МОНАСТЫРЬ

Над монастырскою стеной
зубчатый воздух распластался.
Со мною август расквитался
полынной горечью степной.

Я вспомнил Строгановский двор
и давних писем робкий почерк,
и вся судьба попала в створ
любимых глаз и нежных строчек...

И я зову тебя, ловлю
твой взгляд и слезы утираю,
и снова говорю: «люблю»...
Кому? — и сам еще не знаю...

1976

III

ОРГАННЫЙ ЧИН

*Я хотел быть нотой малой
в музыке твоей...*

* * *

Купила мать
живую рыбу
ни одного
убийцы в доме...

1970

ОРГАННЫЙ ЧИН

Ж. Гийю

Органый чин консерваторский
расправил плечи и вздохнул,
огромный альбатрос приморский
через партер перемахнул.
От мануала к острым окнам
нервюры звуков пролегли,
и запахи цветов засохли,
что, помнишь, под окном цвели.
От Эйзенаха до галерки —
повсюду стиснутые шторы
чепцовой, бюргерской земли.

А зал в растерянность закован,
Басы судьбу его вершат
И память отзвуком знакомым
и незнакомым ворошат.
Сквозь строй из алебард и луков,
шеренги кресел и рядов —
по залу кружат хлопья звуков,

живые лепестки цветов.

В просторных ямбах пассакальи —
не смерть они себе искали,
но каждый умереть готов.

О, музыка! — дымок курится
в твоей регистровой глуши,
и нежность робко шевелится
в углу спеленутой души.
Она нема и слов не знает...
Сходясь воронкой водяной,
аккорды воздух рассекают
и умирают за стеной.

Гоня звуки по сугробам,
шагает музыка за гробом,
за буклеватой сединой.

... Но органист озвучит нежность,
любви очнутся голоса.
Преодолея безмятежность,
на миг откроются глаза.
Слеза набухнет. Круглой нотой
взметнется вверх. Ей все близки...
Но для продления полета
любви губительны тиски.

И, сжаты смертными тисками,
взрвут педали под носками,
и стен обрушатся куски!..

Мятеж подавлен. Кровь не мучит.
Как будто не было тех лет.
Но вновь орган судьбу озвучит:
прощенья нет! прощенья нет!..
И выжмет кода ощущение
искусанных до крови уст:
на самом гребне очищенья —

испущен дух и воздух пуст!..
Раздавлен жерновом распятья,
он тихо вскрикнет:

«Братья! братья!..»

— и промолчит сорокоуст.

1971—1977

* * *

Раздроблено время в песок без остатка,
расплющено сердце, и ребра как вата,
а пальцы царапают мертвую кладку,
и ходят кругами застенки Токкаты.

Мазутная тьма. Я в Мальстреме событий.
Багровое пламя мерцает зловеще.
Не надо обманов, не надо наитий,
ни боли не надо, ни памяти вещей...

Но вихрятся звуки в спиралях Токкаты,
песчинки звенят, колеи заметая,
и плоское сердце из ребер покатых
в оконную щель насовсем улетает.

1971—1975

КЛАВИР

А. Любимову

1.

...А пальцы — в захрустальном напряженьи,
являют клавиш прихоть и приказ.
И в каждом звуке — сердцеприношение,
жужжанье муз и разрешение глаз.

И вот каданс — неистовствует шея,
оцепенели нотные листки,
гвоздики пробудились, хорошея,
и пальцев разлетелись лепестки.

2.

Вот — Куперена оперенье,
дробнолетающий прах и пух.
Звук передергивает зренье
и выдает себя за двух.
А вот — стремительный Скарлатти,
сухой, изысканный Рамо...

Все нужно выплеснуть некстати,
и чтобы пенилось само.

1975—1978

ПИРОСМАНИ

1.

Налево — клеенчатый воздух,
направо — грошевый духан.
Усатая очередь тостов,
недолгая жизнь — петухам!

Так сядем на крепкие стулья!
Так выпьем за лапы косульи!
Неси поскорее вино,
духанщик и друг мой Ваню!

Ты с нами не выпьешь, Нико?
Зачем ты сидишь далеко?..

2.

Когда б ни родни кривотолки
и — самое страшное — плач,
на что мне сухие иголки
не мною решенных задач?

И я бы, наверное, смог бы
раскрашивать суриком догмы,
под лестницей гулкой дышать
и воду с водою мешать...

Дремучее бурое время,
и кисть неподвижна в руке.
А славы пустое беремья —
как мертвый жираф в кулаке.

1975

В МАСТЕРСКОЙ

Г. Хачатрян

Я в руки брал холсты,
я впитывал виденья.
Мои слова просты,
но лишены значенья.

Сновиденный полет
над городом из ваты,
сон ветра напролет
и лев огненнолапый.

И матери портрет
в коричневой накидке.
Такой накидки нет —
откуда ж эти нитки?..

И я плыву в кругу
безумной карусели —
и вижу еле-еле,
и выплыть не могу...

1977

ЭКСПРОМТ

Органисту Жану Вольфу

А где-то в Утрехте лиловом,
в краю тюльпановых равнин —
так просто быть звучноголовым
и вспушенным, как георгин.

А здесь, в раздольи васильковом,
в кудрявом причете рябин —
висит луна, как над альковым
всех родин герб и всех чужбин...

Поди-ка выдюжи попробуй
то щучий свист, то песий визг:
куда же ты, высоколобый,
отведай слезных наших брызг!..

— Ну, это разговор особый,—
сказал голландский органист.

1978

* * *

Двери райские настезь открыты,
как подъезд в общепитовский загс,
Там сидят на толчках сибариты
и висит над биде пипифакс.

Что же медлишь ты, отрок еврейский?
Или участи райской не рад?
Там повсюду комфорт европейский
и витрин ослепительный ряд!

Что тут брезжит? Что здесь показалось
сквозь зловонное око-очко?!
Неужели ты выберешь хаос
и подшивку газетных клочков?..

1980, 1997

* * *

Рассудок выпила наука,
шипит под кислотой скука,
ботинок лужу бороздит.
А в жопу колется булавка,
и продавщица за прилавком,
словно по радио пиздит.

Сортирный дух ласкает ноздри,
и тысячи квартирных острий —
как ненавистный взгляд истца.
Здесь каждый третий — неврастеник,
и нет ни правоты, ни денег
ни у меня, ни у отца.

1975—1976

* * *

В наш дерзкий век инструкций и колготок
так колок день, так мелок околоток,
что хочется не делать ничего!
Да, хочется не делать ничего...

А в черноте сияния синели,
И поезд вырывался из тоннеля,
как из гортани ямб и вез людей,
размеренно качаясь, вез людей.

В размеренности нет очарованья,
и головы мотались, как чурбани,
и нет подтекста в грохоте колес,
и поезд вез меня по радиусу, вез.
вез по кольцу — и в жерла переходов
швырял копейкой бросовых расходов...

Здесь крылья вырастают — для чего?

Так хочется не делать — ничего!..

1975

МОСКВАРЬ

*Во мне проклюнулся однажды
замосквореченский снегирь...*

1.

Стада закатов сечь крестами
и зорями сжигать кресты,
и куполиными листьями
шуршать с кремлевской высоты —
таков удел твой.

Над Ордынкой
плывет гудошная гроза...
И кремль в италийской дымке
величием слепит глаза.

2.

А в Столешниковом ночью
под бульдозерный разбой
воют войлочные клочья
и обойный разнобой.

Как побитая пшеница —
половицы на песке...
И Плющиха не жилица —
еле-еле шевелится
жилка на виске.

3.

В тысячелюдном доме
людям так одиноко!
Бодро лают собаки.

1973

ЛЫЖНАЯ ПРОГУЛКА

Есть в лесу, как в душе, закоулки,
где светлы на просвет деревца.
Хорошо мне на лыжной прогулке,
и улыбка не сходит с лица.

Эти лыжи ни гулки, ни валки,
в поле чистом свой бег,

и шипящие лыжные палки
протыкают запекшийся снег.

Безмятежна лесная дорога,
и мороз благодушно щекаст,
— отпускает на спуске немного
то, что в городе спуску не даст...

1978, 1997

КАРТИНКА

Две девочки, две подружки,
нагибаясь к земле, рвут травы
и на цыпочках тянутся вверх,
рассовывают пучки
в доверчивые коровьи морды,
к теплым, шершавым языкам...

А коровы благодарно жуют
и кивают с грузовика,
застывшего у проходной
мясокомбината...

А шофер читает «Вечерку»...

1980

* * *

Луна летела вслед за электричкой,
неслась, спешила и отстать боялась,
на остановках нехотя топталась,
на перегонах опрометью мчалась,
вдруг исчезала, снова появлялась,
припадочною билась истеричкой...

Луна летела и всю ночь горело
одно окно над площадью пустой,
и тишина валилась на постой...

Ах, мама, этот выбор непростой,
ах, мама, это хлопотное дело —
писать стихи и ладить с пустотой.

1977—1978

ОКНО

Г. Фельберг

Между геранью и сиренью,
в лучах морозного тепла,
навстречу встречному движенью
прозрачность мира протекла.

Но, вопреки всему старанью,
в зеленой, колкой полумгле
между сиренью и геранью —
мы растворились в том стекле.

1980

* * *

«Куда ты, милый, не спеши...»
— любим, ты сам еще не любишь
Свобода нежится в тиши,
но тем верней себя ты губишь,
что тяготишься, не любя...

Но ничего, дождешься срока,
и выследит любовь тебя,
и отомстит тебе жестоко!

* * *

В. М.

Я бы должен догадаться
(век живу — и все не впрок!),
что пришла пора прощаться,
раз успело привязаться
сердце к сердцу — вышел срок...

Раз в душе взошла, как тесто,
крутобокая волна,—
значит, ей не будет места
раскатиться, встать отвесно —
и обрушиться сполна!

Это надо было раньше —
то, что нынче я решил...
Так уймись, ну перестань же!
Дальше — тоньше, не порань же
ту, кого приворожил...

Сушу вымесить — не шутка,
душу выместить — не шубку
на плечи накинуть ей,—
и, в отместку за уступку,
не зови ее своей!

... Ну а легкою поклажей
— смесью яви да миражей,
обретеньем да пропажей —
не кичись, а дорожи,—
и, в ответ на вздох лебяжий,
«благодарствую» скажи!

1981—1982

* * *

Ты сбеги дорожкой торной
до ключа,
ты черпни водицы горной
сгоряча!

Опусти на дно криницы
перстенок,
чтоб серебряною птицей
пел и тек,

чтоб на солнечном изломе
он сверкнул,
чтобы поселились в доме
блеск и гул!..

... Но душа уже не рада,
жжет в груди.
Не стыди меня, прохлада,
не студи.

Вот упал фонтанчик серный
набекрень —
не серебряной, а черной
стала чернь.

И пускай вспорхнула птица
наутек —
все равно не замутится
ручеек.

1987

СТАНСЫ

О. Г.

1.

Влюбленной поступью слепой,
наощупь ощущая свет,
той кубачинской тропой
она прошла тебе вослед.
До слез знакомые следы
в ее глазах ты находил,
науке боли и беды
ты сам учился — и учил.

2.

Кувшин да дружества родник
вот, собственно, и весь урок.
«Твой самый лучший ученик!», —
шепнул тебе, скривившись, рок...
Любовь ей увлажнила взгляд
и ноги погрузила в клей.
Ты перед ней не виноват
— от этого не легче ей...

3.

... Ты взгляд ее перехвати
на снимке в рамке на стене.
Он испугал ее во сне —
не оставляй их взаперти!..
Она все смотрит и молчит —
ей правды нет! ей счастья нет!..
И не вопрос ее страшит,
а твой продуманный ответ.

4.

Не на земле, не в небесах,
а просто гирькой на весах
случилось быть ей в горький час,
переиначивший всех нас...
И ей неведомо самой,
куда душа ее зовет:
то ли махнуть на все рукой,
то ль потерпеть и этот год?..

5.

Надежда — медленная вещь!
И на костре ее не сжечь,
и под водой не погасить,
носить вразнос — и не сносить!..
Но не обманывай себя,
не обнадеживай других,
не забывай, за что тебя
обрек на муку твой же стих!..

6.

Утри слезу, махни рукой,
не забывай, — скажи, — прощай!..
Задуй очаг, забудь покой,
но жертву жертвой — не смущай!
Превозмоги, преодолей
душевный лад — самой душой!
Не называй ее чужой,
но и своей назвать не смей!

1981—1982

СЕНТЯБРЬ

А. Б.

Вот и сентябрь. В проулках тишина.
Пустые дачи выступают цугом.
Как хорошо до самого темна
Из настезь растворенного окна
Глядеть на сад, прикинувшийся другом.

Есть у природы слово на устах, —
Его для нас одалживают музы, —
Не оттого ль мы в вечных должниках,
Что светятся в желтеющих кустах
Малины восхитительные друзья?

О, лета бабьего прозрачная пора!..
Сих облаков кочующая млечность
И кленописи вечная игра —
Мне возвращают легкость и беспечность,
И отрешенность вольного пера...

А бликов хоровод в колодце все не гас,
И ручка ворота скрипучего вертелась,

и флоксов увядающая прелесть
До станции преследовала нас...

Спасибо, дом чужой, и в добрый час!..

1980

ТЕРЯЕВСКАЯ СЛОБОДА

Н. Коренновой

В ночи горит решетчатый квадрат,
и башня светится Кузнечная и тает,
и чью-то жизнь за ужином решает
колючих звезд ночной триумвират.

Кто ты, счастливец? Неудачник, кто?..
Моя звезда мне светит в пол-накала.
И носится по ободу бокала
печальный блик, вмурованный в стекло.

1977

* * *

Не крещен и не обрезан,—
жалок, глуп или смешок,—
я от истины отрезан
и от света отрешен.

Так и шастаю по свету —
и уже не год, не три —
заведенною кометой
без поводыря внутри.

1984—1985

IV

БОТАНИЧЕСКИЙ САД

В мире совести — что в море соли...

ДВА ИМЕНИ

П. Поляну

Когда играют «эр» и «эн», и «эль»
и пена пузырями закипает,—
хочу, как благородный Тариэль,
знать цель одну, как жизни рад бывает.

Хочу, как яблоко, в руках ее держать,
усвоить ее норы и повадки,
делить восторг ее наитий кратких,
и с ней свою судьбу торжествовать!..

Но мне не это, видно, суждено,
на всем сургуч с печаткой раздвоенья,
все надвое во мне поделено,
мне двойственное выпало горенье.

Двойное дно, двойные чудеса,
несовпадение сна и подошвы...
Мне за двоих отмеривают сроки
с двойным гало чужие небеса.

Два имени я должен оправдать
и, стало быть, две жизни обнадеежить,
две повести, обдумав, написать
и, божья воля,— третьей подытожить!

1978

КОКТЕБЕЛЬСКИЕ КАМУШКИ

1.

Слышны седые разговоры
крутого берега с волной,
полыни стойкие растворы
в разливе щелочи степной.

Пусть море точит и шлифует
кремень и яшму, и гранит:
о рифме разве стих тоскует?
— он только море сохранит!

И длится ночь, и ливень длится,
и слово медлит к слову лечь...
Судьба медлительно прямится:
не ты писал ее — не сжечь!

2.

Г. С. Померанцу

Как редко в небо поднимаем
мы удивленные глаза,
как мало в звездах понимаем,
как глухо слышим голоса.

А там луна, а там молчанье,
там пены облачной качанье,
свеченье, таянье, игра —
сегодня, завтра и вчера.

1976

* * *

Преодолей соблазн страницы
и затупи карандаши
со всем, что жаждет отразиться,
к заветной книжке не спеши.

Пускай тебя едва коснется
доподлинности нежный флер.
От влажных слов да не зажжется
сей гармонический костер!

Пускай просохнет, отстоится,
глухим забвеньем просквозится,—
валежник сух и ветер тих,—
покуда грянет и очнется,
и дивным пламенем взметнется
оставленный до срока стих!

1980, 1997

* * *

А. Сопровскому

Наши речи прямы, но бракованы мысли до вздоха;
Хорошо подо льдом, но прокованы жестью глазницы.
И проколото слово, и с ним обращаются плохо,—
Не дают передач и лишили свиданий в темнице.

Нет над нами луны — нам сияет консервная банка,
И консервным ножом наши души зубасто раскрыты.
Я пишу не в лесу, а в харчовой тиши полустанка,
Где кирзовый алкаш растопырил босые копыта.

После рифмы — редиф, и на каждой метафоре такса.
Типографский свинец неподвластен моей укоризне,
А офсетная совесть — простая казенная клякса,
И копирку на саже проложит меж нами отчизна.

Это слово мое — не дождется ни звука, ни знака:
Перед звуком робеет, а знака оно недостойно...
Нас поманит Форос, нам блеснет голубая Итака,
И чернильных глаголов потянутся клинья нестройно.

1977

СТИХИ О НЕИЗВЕСТНОМ ПОЭТЕ

С. З.

1.

... На раскопе большого скандала,
происшедшего очень давно,
ты наткнулся на мелкое жало,
и, ужалив, оно задрожало,
но тебя уязвило оно.

Л. Жарову

Жена стирает форменные брюки,
висит на плечиках казенное сукно.
Унылый взгляд и цвета хаки руки,
и в духоту раскрытое окно.

Шатает нас под тяжестью свободы,
под спудом сохнут вера и талант.
За эти зря потраченные годы
с кого ты спросишь, старший лейтенант?

С кого ты спросишь? Кто тебе ответит?
На небе рота звезд неясно светит,
к утру сменяясь службой голубой,
и снайпер водит мушку за тобой.

1976

ХУДОЖНИК

подражание Ахматовой

Это сильное слово «художник»,
— словно «каторжник» или «острожник»
— так оно для меня звучит.
Ни любви, ни семьи, ни света —
ни зимы, ни весны, ни лета —
осень вечная в сердце стучит!

Но и осень твоя, твоя муза,
не выдерживает обузы —
и покинет тебя ни за грош,
если ты не отыщешь слова,
отворяющего оковы,
и подругу себе не найдешь!

1980

АРХАНГЕЛ ГАВРИИЛ ЗЛАТЫЯ ВЛАСЫ

Что грустен ты, мой свет, мой златокудрый вестник,
наперсник всех времен и всех миров наместник,
Что клонишь голову к крылатому плечу?
Иль ты устал от вечности безбрежной
и в бранный мир несешь огонь свой нежный
и ищешь, где зажечь еще свечу?..

Архангел Гавриил, власы твои златыя,
уже обречены нашествию Батыя,
но ты еще не ведаешь того!
Твой нимб осыпется, морщины разбегутся
по трещинам — и только те спасутся,
кого не осеняло божество!

1983

ОСТРОВ ВРАНГЕЛЯ

А. Богдановой

Свищет ветер на каторжном берегу,
высекая студеные слезы,
и к земле пригнетает побег
одолевшей любые морозы
нежно-карликовой целлюлозы.

И полярные маки и совы
машут вслед лепестками, крылами.
Все щеколды, затворы, засовы
никогда не откроются сами.

Как от стаи отставшая птица —
я сошел с обретенного галса,
и испытанный друг усомнится,
тот ли я, кем доныне казался?

Атлантиды полярный осколок,
останец неприкаянной суши!
Неужели я сызнава струшу?
Неужели гребенчатый полог
не прольется сиянием в душу?..

1985

КАРАИМСКОЕ КЛАДБИЩЕ ПОД БАХЧИСАРАЕМ

Над Иософатовой долиной,
чередой сумрачной и длинной,
тучи, как покойники, плывут.
Влагу из комков тракайской глины
тощие грабинники сосут.

Вперемежку с мрачными стволами
— тысячи озлобленных могил.

За широкими, шершавыми столами
всех гостей устроил Азраил.

И насквозь изъязвлены, изрыты —
на боку, плашмя или накренысь —
всюду плиты, плиты, плиты, плиты,
скважистые оспины иврита,
жал осиних рубчатая вязь.

По оврагу славы караимской
камнепадом вечности глухой
эскадроны смерти лихоимской
скачут на нестрашный суд земной.

И не в силах бег остановиться,
тучи накреныются вперед.
И накрыл последнюю страницу
каменный, тисненный переплет.

Эта карбонатная порода,
пористый подлесок гробовой,
— все, что уцелело от народа,
от его дороги гербовой...

1984

ГУНИБСКИЕ СТРОФЫ

1.

Над Гунибом застыла луна,
словно впрыгнула на небо серна.
И река, глубока, не слышна,
серебрится меж скал крутоскулых.
Словно горсть золотого зерна —
электричество ближних аулов,
и, как сердце — печалью неверной,
вся долина мерцаньем полна.

Эта цепкая крепь — неверна,
это небо — и то ненадежно!
Притаившись, коварства полна,
изолгавшаяся дорога...
Сколько душ загубила она,
сколько судеб направила ложно!..
И моя, от паденья черна,
обмирает, не чувствуя Бога.

2.

Что за слово такое — Гуниб?
Может, место не стоит порыва?..
Мог Шамиль и уйти, и могли б
не поймать его, а укокошить.
Он бы мог отсидеться меж глыб,
мог бы броситься камнем с обрыва...
Не его ли там видели лошадь?
Не его ли тут свистнул наиб?..

3.

... Ну а ты? Что же выпало нем?
Ничему-то мы толком не вняли.
И для нас, что мюрид, что имам —
поэтические этикетки...
Эх, вольно ж нам гулять по горам,
мы кинжал на кинжал променяли
и, как овцы, роняя отметки,
отрешенно бредем по домам...

Мы вернемся в свои города,
в ночь языческого газзавата —
чем священна родная вода,
чем смертельная пуля презренна,
чем бессмертны любовь и беда,
чем строка и душа вдохновенны, —
электричество, что ль, виновато? —
не понять нам уже никогда!

1981

КУБАЧИ

1.

Ночь, туман и Кубачи...
В слабом отблеске свечи
брезжит золото на черни
— мутных окон свет вечерний.

Улей, кажется, заснул.
Соты, кажется, зарыты.
Что сказать тебе, аул,
облаком и сном накрытый?

Два окошка — две свечи
в вязком войлоке одышном.

Эги не видно,
и не слышно
шороха...
И ты молчи!

Ночь, туман и Кубачи...

1984

2.

Неоглядные горы уснули,
разметавшись в огнистой ночи.
Что ты делаешь в этом ауле?
Я ищу в Кубачах Кубачи.

Ты жива ли, искомая птица?
Я к тебе издалека летел.
Но мелькает вязальная спица:
опоздал — не застал — не успел.

Родники обмелели, иссякли,
и зазубрились плоские сакли,
мельхиор потеснил серебро
и мучалы * сменило ведро.

И другая вода обступает —
что поделать с рекою времен?
Об одном ли, скажи мне, рыдают
та старуха и магнитофон?..

Я спускаюсь по улочке-тропке,
«далетай» ** ловя на лету, —
вдруг гармоники наигрыш робкий
нежным взмахом разрушил черту.

И по-прежнему горы и горы
замыкают собой кругозоры,
и вода ледяная сладка,
и небесная льется река.

1979

---

* Мучалы — большие кувшины для переноса воды.

** «Далетай» — по-кубачински «здравствуй».

БОТАНИЧЕСКИЙ САД

Ах, куда же мне деться от запаха пыли?
В Ботанический сад! в Ботанический сад!
Отчего же опять те же раны заныли?
Оттого, что не будет дороги назад!

Оттого,
    что есть среднее между разлукой
и меж смертью,
    затем, что еще не привык
упиваться тоскою и смертною мукой
и прокусывать кровью дымящий язык.

Пропадай она пропадом, наша добыча!
Забирайте и рвите, давитесь, рыча!
Лишь бы было спасенье от зычного клича —
не на жизнь — так на год,
    не на год — так на час!..

Неужели мне вечно хвататься за сердце?
Оголенные всюду хватать провода?!..
Ах, куда же мне деться?
    куда же мне деться?..
— Никуда, дорогой!
    ни на час никуда!

1978

15 ИЮНЯ 1980 Г.

А. Морозову

Я не спал. Отчего ж я очнулся?
Время встало, земная зима.
Кто стучался и кто отвернулся?
То вражда или правда сама?
Даже правое дело скривится
и в осадке останется ложь.
если ты не успеешь открыться
и избытка в душе не найдешь.

Так запомни пещеру-квартиру,
одинокства жуткий разбег.
Там живет и не балует с миром
предпоследний в миру человек.
Он тебя наставлял — ты не понял,
он оставил тебя — ты ослеп.
Ты, быть может, себя проворонил,
променял на изглоданный хлеб.

Ты б хотел ни разбить, ни разбиться,
так не жди оправданья теперь!
Этот год пережить — как родиться,
счет ведя от разлук и потерь.
И сквозь дикую вязь сопряжений
по червивой чащобе бредет
год надежд и година крушений —
високосный, одышливый год!

1980—1981

ФАРНАОЗ

О. Чиладзе

Я захлопнул роман и очнулся.
Как случиться такое могло?
Грохот моря из книги тянулся
и звезда напрягала крыло.

Обступало людское болото
час за часом и день за днем
Вдалеке убивали кого-то
И вблизи убивали кого-то
И любовь выжигали огнем.

Романист усмехнулся сурово
и исчез, как возник, средь листвы...
Отчего так бесчинствует слово?
Кто сумеет прожить за живого?
Эти буквы — они же мертвы!

Разве жизнь уподобишь сюжету,
разве душу приколешь к листу,
Разве вызовешь в отзвуке эту
обманувшую сердце мечту?..

И на что нам фантомные боли,
Если мы не увидимся боле?
Что отрезано — то не пришьешь
И живую водой не зальешь!

... Я признаться себе не решаюсь
в том, чего беспричинно стыжусь...
Но как в зеркале я отражаюсь
И в себя отрешенно гляжусь.

1982

V

ВИСОКОСНЫЕ КРУГИ

С. Ц.

*... Я сам себе ворон, я сам себе друг,
я сам начертил заколдованный круг.
— но сам из него я не вырвусь!*

* * *

У твоей подруги — умная душа,
черные глаза — что раковины мидий:
всем твоя подруга хороша! —
только ты ее нигде не видел.

А увидишь — как ее узнать?
Как судьбу по тени угадать?..

Соловьи клюют ночную тишь.
Не меняя каменную позу,
на ступенях каменных сидишь
и молчишь, предчувствуя угрозу.

А луна гуляет налегке,
тень твою держа на поводке.

1976

ЗИМНИЕ НОЧИ

Луна примерзла к небу, как жестянка,
и город ежился в надвинутых ушанках.
Ощерившись, надывившись, оскалась,
ночная дрожь под льдинками плескалась.

Гудели ЛЭПы, страх перегоняя
из края в край,

и от конца до края
светились злобой фонари речные,
а со спины неслись шаги ночные.

И мы брели вдоль скользкого канала,
со всех сторон чужая жизнь дышала,
бросалась вниз из освещенных окон,
врывалась разговорным перескоком...

Метро закрыто. Пусто на стоянке.
Кровавых светофоров многоточье...
А дома встретит запах валерьянки.
И там не спят. И там боятся ночи.

1976

ТЫ ДАЛЕКО...

Ковыльный лоск. Полыни пряность.
Листвы внезапная багряность
и шум наката деловой.
Зевают лапчатые орды,
и скал беззвучные аккорды
над праздной виснут головой.

Ты далеко... Тоской тугою
нам не связаться ни дугою,
ни осью эллипса большой.
Мы из породы одиноких,
но пробивают хорду токи
— между душою и душой.

Есть нежность в мире. Есть забота.
И словно нежный, нужный кто-то
заходит в комнату к тебе.
От неожиданности вздрогни —
и улыбнись, и поподробней
разговорись, судьба к судьбе.

На лбу растрепанная челка,
и губ насмешливая щелка...
Ты далеко... Наверно, спишь.
Твой сон и неглубок, и вязок...
Без слез, без жестов, без подсказок
ты правотой меня поишь.

И на изгибе новой песни —
мы снова те, какие есть мы,
какие притчи ни готовь...
Иному голосу не внимлю:
уйду в песок, нырну под землю
— в твою последнюю любовь.

1976

С ТОБОЮ

В меня вминает пальцы каждый день,
Судьба моя податливее воска.
И этот дождь, и воздух, и сирень —
в далеких отзовутся отголосках.

Прекрасный гул стоит в моих ушах,—
блаженный сон в наш горький век бессонный! —
твоих подошв особый полушарк
и смех, и плач, и лепет законный.

Так короток и дивен этот год, —
прохладный дождь в сухое вечеровье! —
но счастлив тот, кто с голоса поймет
вердикт судьбы, подписанный любовью.

Я вижу в зеркале следы твоих забот,
я слышу запинанье горловое.
Твой голос что-то детское поет.
Мне хорошо и весело с тобою.

1977

* * *

Пока утешеньем последним
утешены мы не вполне,
мы липам внимаем столетним
и веслами бьем по волне.

Усталость смежает нам очи,
и греблей натерта ладонь —
и делается все короче
огарок, окурок, огонь!

И дождь барабанит по полю
тоски погремушный мотив.
а мы обретаем неволю,
свободу едва ощутив...

1977

* * *

Черемухой обмахивайся, май,
и гребешковым горлышком играй,
торжественным закатом просветляйся.
Сливай в одно мычание и гром,
колодезным вычерпывай ведром
весну и над стогами майся.

А я пойду по кромке лозняка,
я в роще испугаюсь сквозняка,
я озером присяду любоваться...

Но этот май и эту пастораль
на прошлогодний март или февраль
я выменял бы — только с кем меняться!

Я променял бы пять грядущих лет
на неотвязный високосный свет,
струившийся над всякою рекою.

На тяжесть, легче пуха, на плечах,
на рук твоих беспомощных очаг —
в тени копны, под кровлей городской.

О, беззаботный, хрупкий поцелуй!
Сечение вод и золоченье струй!
О, часа напряженье вековое!..
О, боль моя, прости мне слепоту
и одиночество на выгнутом мосту
над бездной ожиданья и покоя!

1977

* * *

Не умолкает в сумерках поток,
негорькою полынью пахнет небо,
и Тютчева прохладный шепоток
нас обвеваает ощущеньем снега.
Здесь, у реки — покой и благодать:
— чего желать? о чем гадать?

Но к зелени чернеющих ветвей
я подхожу тревожно и устало.
Ни помощи, ни нежности твоей
уж не спрошу, как некогда бывало...
И женщина гадает по руке, —
а я впервые в жизни в тупике.

Нет света в обозримом далеке:
судьба не дождь, а хлесткое течение.
Виновных нет, но есть напор в реке,
а нет вины — так нет и облегченья...
В припоминаньи нежном о тебе —
что толку выговаривать судьбе?

Ведь было счастье на моем веку!
Над крышами плескалось черноточье!
Я нежную выискивал строку,
и мы блаженством грезили воочью.
Нас каждый обнадеживал листок,
и счастья, мнилось, только лишь исток!..

Но предстоит неслыханный оброк
тому, кто влаги той глоток пригубит.
Блаженство не накапливают впрок,—
ему лишь подставляют жадно губы!
Я жизнью отвечаю за строку,—
я лишь тебя судьбою нареку!

1977

НЕВСКИЕ СТИХИ

Нет, не жена и не подруга
со мною делит эту ночь —
метель, метель — и вьюга, вьюга,
побудь, засни — и сутки прочь.

И нет лекарства от недуга,
которым все во мне горит.
Побудь, проснись — и вьюга, вьюга,
и льдина черная звенит.

И от внезапного испуга
и до последнего глотка —
метель, метель — и вьюга, вьюга,
— и лишь такой любовью сладка.

Там, за невольною чертою
Она не делится уже...
Я и не числил за собою
на этом сбывься рубеже.

Не ты качнула эту чашу,
но ты качнулась с ней сама.
Благословим несчастья наши,
бездомные свои дома...

А льдины, комкая друг друга,
на невской корчатся воде.
По всей земле — метель и вьюга,
на юге, севере, везде...

1978

* * *

Что ты ищешь в этих соснах?
Здесь лишь иволга да тишь.
Что потерял ты в веснах,
осенью не возвратишь.

И доскребывая ложкой
вольный юношества мед,
не рассчитывай, что прошлым
разочтешься наперед.

Будет жесткая подстилка,
будут крошки табака,
и трезубая развилка
грозового большака.

1979

ТРАКАЙ

Чайки над озером рыщут,
ветры тугие свистят.
Тучи с разодранным днищем
прямо над нами висят.

С неколебимою властью
брызги бросая ко мне,
слышишь, какое ненастье
носится там, в стороне?

Стонет озерная рыба,
черви ползут тяжело...
Счастье скользнуло с обрыва,
в черную воду ушло.

Поздно теперь разбираться,
что размышлять — напролом!..
Чайки на волны садятся,
бурю торопят крылом.

1978

САД МУШТАИД*

Ну вот и хватит. Пожил для себя.
Почти во всем дошел уже до точки.
Что было — не было, раз было без тебя,
и в сторону права на проволочки.

Оставь надежду на покой земной,
забудь эфир своих стремлений книжных.
Взгляни — вокруг тебя разгар иной:
сад Муштаид и запах мамалыжный!

Как сладок дым, как радостен гудок!
Скрипят вагончики дороги детской...
Из всех непройденных и пройденных дорог
дороже всех — тот двор замоскворецкий!

И над рекой ладони я разжал
и замер, как кормилица над зыбкой.
Кто поручится мне, что все, чем я дышал,
— не стоит детской праздничной улыбки?!

1978

РАЗГОВОР С СЫНОМ

Мерцает елка в трех шагах,
роняя блески и иголки
усталые...

А мы впотьмах
беседуем о пустяках,
о всякой всячине на елке.

— «Кто самый умный из зверей?..»
«Кто самый — (это ты зевашь) —
добрый?..»

«Кто, скажи, храбрый?..»,
— ты, не дослушав, засыпаешь.

А с елки сыплется хвоя,
уже не колкая, сухая...
Судьба, разлучница моя.
помедли — слышишь, тишь какая!

Помедли, слышишь?! Помолчи!..
Дай мне запомнить, наглядеться

---

*Сад Муштаид — большой и чудесный детский парк в Тбилиси, у Куры. Он неотрывен от первых детских впечатлений многих тбилисцев, в том числе поэтов и художников.

на безмятежное в ночи,
на хрупкое, как шарик детство.

...Ты спишь, мой мальчик, сладко спишь,
раскинув руки на подушке...
Когда ты вырастешь — простишь,
простишь ли взрослым их игрушки? —

Простишь иль нет, но ты поймешь,
что жизнь живется, а не снится,
— и сам ты по своей пройдешь
и опалишь себе ресницы.

1984

ТАРУССКИЕ СТИХИ

Не вырывай у совести признание...

1.

Вслепую, наугад, поодиночке,
за годом год, за кругом новый круг,
мы двигались в бессмысленной цепочке
убийственно пустых забот и мук.

И на исходе памятного круга,
среди зимы, в морозной пустоте —
мы встретились и поняли друг друга,
и руки засветились в темноте...

Усталости мы чувствовать не смели,
а шли и шли, не разнимая рук,
передвигая ноги еле-еле,
сам-брат и сам-сестра, и другу друг.

Куда мы шли? Какие знали цели?
Чему хотели внять в конце пути? —
родимый дух в еще родимом теле
застать в живых —
и душу обрести!

2.

Когда в душе смятение и мука,
когда межи не знают день и ночь,—
еще не все потеряно:
разлука —
попробует душе твоей помочь.

Она, как мост, спрямляет ход событий
или, как линза взнуздывает свет,
в один пучок сплетает сотни нитей,
которым бы ни свиться в сотни лет...

Боюсь всего, боюсь ночного стука,
боюсь строки, от крови голубой! —
так разыщи меня, моя разлука,
так разлучи меня с самим собой!

Разлука искушает расстоянье,
и оттого торжественны вдвойне —
мечты и яви противостоянье
и истина, мелькнувшая в окне...

3.

Мы еще долго будем пахнуть дымом
и вспоминать об окском ветерке.
Как трудно мне любить и быть любимым,
словно грести к верховьям по реке.

О, где вы, наставленья той науки,
где совесть спит и сердце берегут?..
Мне сводит спину, и немеют руки,
и листья желтые навстречу мне плывут...

И осени шальное совершенство
нас учит логике осмысленных потерь.
За дивный год несметного блаженства
остатком жизни платим мы теперь...

Протокой, напрямик, напропалую —
могу лишь срезать маленький пустяк,
но жизнь свою, четырежды кривую,
уже не выпрямлю, наверное, никак.

Но даже этот ветер — не навеки!
И как успеть все то, что не успеть?
Петляют судьбы и петляют реки,
чтоб встретиться и не расстаться впредь.

4.

Благоухало лето
и ухала сова,
и не было ответа —
лишь чудилось едва,

что где-то близко-близко,
по сумрачной реке
скользит-летит записка,
теряясь в лозняке.

И мимо переправы
и бельевых досок
плывет листок лукавый
ко мне наискосок...

Описка, опечатка!
Подумаешь — пустяк!
Но нет — свинец, свинчатка!
кулак, кастет, костяк!..

А птицы, рыбы, травы
и лодочник глухой,
наверно были правы,
безмолвствуя со мной.

1979

СТЕНА

Поначалу неприметно
в голубой траве
что-то твердое возникло,
не мешая мне.
И ни облачка на небе,
в тихой синеве...
я шагнул и не споткнулся
о кирпич в траве.

Время шло, и показалась
из травы густой
на крутом растворе кладка
меж тобой и мной.
Что ни день — кирпич, и снова,
что ни ночь,— другой,
— и тебя уже не видно
за глухой стеной...

1980

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

По ладони от запястья
пролегла моя стезя.

Мне предсказывали счастье
— верить ничему нельзя.

В даль вела меня дорога
сквозь стихи и города.
Много было вдоль,
и много
поперек — не в том беда.

Путь мой длинный, сонный, санный
заметелила пурга,—
словно камень талисманный
выскочил из перстенька.

1980

* * *

Вот и пройден порог високосный.
Крышка — хлоп и цыганочка — топ.
Перекосный, откосный, бескостный
окоем обнимает мой лоб.

Словно остров никчемный и голый,
вулканической прихоти сын,
я возник над водой невеселой,
бесконечно далек и один.

Одиночество, ночество, здравствуй,
ты меня отыскало само!
Так бери же меня, государствуй,
вот мой грешный язык под клеймо.

1981

* * *

Ни случайная ласка,
ни волшебная Моцарта флейта,
ни прямой, как топор, разговор —
моей не изменят печали...

Словно бросили, хворого,
в ночь, под медвежий надзор,
словно вынули горло —
а как дальше дышать —
промолчали!..

1981

* * *

Один сказал душе: живи бесповоротно!
Другой сказал: умри, но выполни обет!
Но прошлое — прошло, а сущее бесплотно:
так чей ты и зачем, меня обставший свет?!

Что станется со мной, когда в твою скорлупку
я грузно опущусь и берег оттолкну?..
Что ты возьмешь взамен за утлую уступку?
Что скажешь мне, когда с лучом пойду ко дну?

Но я плыву на свет, а голова моя
все смотрит, все назад, все тянется к родному...
Ты некогда цвела, горячая земля.
— но лучшие плоды я дал украсть из дому.

Но лучшие года, как столбики целковых,
поставил я на кон — и проиграл за грош!
И старых не вернешь, и не дождешься новых,
и не попросишь в долг — поскольку не вернешь...

Пусть луч уходит в ночь, пускай скорлупка тонет,
— в душе очнулась течь... Пожизненный оброк...
У черта на кону, у бога на ладони
я тот же, что и был, — и вовсе не игрок!

1982

* * *

Она ушла, и с нею вместе
его покинула любовь
и — разрешением кровной мести —
в роду остановилась кровь.

И стало в том, чему он предан
не больше смысла, чем вреда,
а то, что он однажды предал,
— недостижимым навсегда.

Он так и зажил — без опоры,
без сердцевины, без души.
Влюблялся изредка. но скоро
разочаровался. Жил.

Жил, как жилось, как получалось
вину с обидой примирить...
А где-то в космосе терялась
любви спасительная нить.

1982—1983

* * *

Есть близорукие высоты
— сквозь дымку брезжит шапка льда,—
недостижимые, как ноты
контроктавы для альта.

Ты прозевал свое призванье,
ты сам жар-птицу упустил.
В пол-неба вспыхнуло сиянье
— ты спал, не набираясь сил.

Всему отыщутся причины,
все вытерпит незрелый стих.
Есть недоступные вершины
— они у самых ног твоих.

1984

* * *

«С любимыми не расставайтесь!..»,
— воскликнул поэт и уехал.
«Живите по зову сердца!..»,
— а сердце молчит давно.
«Поэмы писать не надо»,
— читаем в последней строчке...
«С любимыми не расставайтесь!..»,
— а их уж в помине нет.

Мы несколько истин добудем,
и истины эти из жизни,
они нам не пригодятся,
поскольку та жизнь — ушла,
но мы их расскажем людям,
ведь истины эти — из жизни,
они им не пригодятся,
поскольку та жизнь — не их.

1983

* * *

*«Блажен, кто находит подругу
— тогда удались он домой»
(А. С. Пушкин, 1834)*

...И я повторю без испугу,
как будто в предвечный покой:
«Блажен, кто находит подругу
— тогда удались он домой»!

Вот дом твой и вот твое место,
но ты одинок, словно перст.
Не жизнь, а сплошная фиеста
на тысячи судеб окрест...

Блажен, кому на сердце ляжет
простая, заботная тишь.
Блажен, кому сердце подскажет
единственную из крыш.

И жалок слепец суетливый
с его бечевою круговой.
Он трижды разлюбит, трусливый,
и трижды заплатит, скупой!

1985

VI

НЕКРОПОЛЬ

*Смерть — род покоя.
...Что же мы стучимся
в ее покои в неурочный час?..*

ВОСТРЯКОВО

И дедушка, которого не помню,
И внук, что не дослушает меня, —
одной землей помазаны и кровью,
и страхом громогласного огня.

Могильщика глумливая лопата
заденет сердце лаской штыковой —
то самое, которое когда-то
в бессмертье верило и образ пело твой.

И только снег, все раны прикрывая,
с кошачьей грацией ложится на холмы,
к которым шли мы, шапок не снимая,
к которым будем звать потомков мы.

1979

ПАМЯТИ И. М. МАЕРГОЙЗА

Мы родились, не выбирая где,
не ведаем о месте смерти нашей:
так почему в житейской череде
мы шествуем с улыбкой черепашьей?

Летейский холод. Все равно пловцу.
И вся-то боль — далеким провожатым...
Но отчего по желтому лицу
Гуляет ветер, как по ржи несжатой?

И отчего, согласными скребясь,
ища глагол, с закрытыми глазами,
— не рвется перерезанная связь,
а все сочится поздними слезами?

1975

БОТАНИЧЕСКИЙ САД В ТБИЛИСИ

Памяти А.Цыбулевского

1.

Как странно мне наследовать чужое,
с чем жизнь меня воочью не свела.
Уже с моей сроднились душою
лазурных линз былые зеркала.

Метехи, Анчисхати и Кашвети,
ориентиры черепичных крыш...
Сей век облюбовав и заприметив,
ты на скамейке медленно сидишь.

Ты не спеша по улочке шагаешь,
глотаешь набежавший ветерок.
Закусываешь, пиво подливаешь,
записываешь что-то поперек...

Как странно мне наследовать блаженно
твои стихи и лучших из друзей,
и город твой, волшебный несомненно,
— оплот коммерции, поэтов и князей.

И сад — прекраснейшее из ущелий,
и осень — наилучшую из пор...
Здесь все твое,
а я, как на качелях,
лишь изредка встречаю в разговор.

2.

Мы ковим соли горные кристаллы,
доподлинность возводим на престол,
а память окунается в рассол —
субстанция ей зыбкая пристала!

Но нам было милое следы
куда важнее событий предстоящих...
Вдруг вспыхнуло видение воды
среди миражей и песков манящих.

И все бежит соленая река,
забвенье разливается по венам.
Доподлинность доподлинна — пока
она жива,
а жизнь ее — мгновенна!

И вся-то жизнь — наука запустенья,
уроки зыбкости, прозрачная молва...
В рассоле растворяются слова,
и стакнутые раздаются звенья,
отныне различимые едва.

3.

Я разлюбил подсматривать за лесом,
дороже мне скорбящая душа:
замешана высоким глиномесом,
немотствует и мается, дыша.

Она то спичкой серною пылает,
неистовству и тлену предана,
то ничего в себя не принимает
— дотла сгорит и истечет до дна.

... А между тем на улицах столицы
все многолюдней и все меньше горожан,
и только птицы, медленные птицы
лениво подлетают к гаражам.

Я ненавижу наблюдать за ними,
их жирный и приземистый полет...

А что душа? —
век от веку гонимей,
в пыли и музыке,
печальная, бредет!

1977

ФОТОГРАФ

Памяти Давида Давыдова

1.

И даже каменная лестница — скрипит,
и полог из газет — никак не рвется,
корзинка-люстра вкрадчиво висит,
и все закружится, когда она качнется.

Премного тайн сокрыто в сих стенах,
Хозяин стар, а может быть и вечен, —
и только кажется, что дышит он впотьмах...
Жизнь — фотокадр, который не засвечен.

И сколько там всего, на пленке той,
в кассете нескончаемой у Бога!..
Далекая, зовущая дорога,
застенчивый фотограф молодой...

2.

... И пристального взгляда окуляр,
прищуря хищного цепляющая крепость,
— вдруг выхватит из мрака вспышкой фар
людской породы кротость и свирепость.

И все, чем ты казнишься и казним,
под выпученным глазом объектива
разгладится — и ляжет перед ним
убийственно наглядно и правдиво.

...Но правды суд — невыносимый гнет,
ее не видеть — тяжкая работа
и кто-то слабый, обливаясь потом,
из-за стекла ту карточку берет
и в мелкие клочки, не глядя, рвет,
— как будто с этим выправится что-то!..

1980

3.

Хранит ли губка влаги той следы,
ее поившей некогда и где-то?
Хоть каплю капельную той живой воды?
Хотя б глоток того живого света?

Хранит ли память то, что утекло,
расстаяло, смолось в пепелище?
Хранит ли копоть очага тепло
и запахи бессмертные жилища?

Хранит ли камень в трещинах своих
хоть б крупницу мертвую событий,
его зачавших?..

И хранит ли стих
хоть тень своих божественных наитий?

Куда девался пепел голубой,
что в наших порах копится и тает?
Какие ветры мчат его с собой,
когда и так его до боли не хватает?..

А память не умеет не солгать,
и зрение не может без обмана...

Не ради славы стоит стих слагать,
а ради привидений тех туманных...

1978—1981

4.

Прощай, прощай, учитель мой веселый!
Мы не увидимся уж больше на земле,
Вдоль берегов раскиданные села
погасли и растаяли во мгле.

Все кончено? — Конечно! —
И твой ясный,
прощальный взгляд стремнина отнесла.
И смерть твоя, как жизнь, была прекрасной,
ты сам хотел такую — у весла.

Прощаемся? — Что делать...
— Там простимся,
обнимемся в последний раз!
Смерть — род покоя, что же мы стучимся
в ее покои в неурочный час?

Потоком вольным, юным и холодным
вспоминанья хлынут на луга.
Да будут этим хотчинским подобны
тебе летейски берега!

Пусть ветер треплет чистые страницы,
младенец видит море за кормой,
и вспыхивают частые зарницы
над первою дорогой и второй.

1985—1987

ПАМЯТИ А. Б. ВИШНЯКА

Блажен, кто жизнь прожил сполна,
судьбе и веку не переча,
в ком мысль и чувство — как одна
волна, а не крутая сеча.

И на прощанье не отнять
нечастых праздников общенья.
Но есть и в смерти благодать
и светлое предназначенье.

Страшны те муки, что ты нес,
и руки, что прозрачней слез,—
но свет из глаз до боли милых!
И, может, нескольких из нас
ты чудной силой этой спас
а мы спасти тебя — не в силах.

1984

БОЛЬНИЦА № 7

Памяти Р. М. Цеханской

1.

Когда на глазах твоих плоть истлевают
и рана чужая горит,
твоих — ни кровиночки не истекает,
лишь гложут усталость и стыд;

когда ты стоишь у обрыва земного
и многое волен понять,

но жертвуешь малым, а главную жертву
сподобился взять, а не дать,—

тогда не оставит тебя и в концерте,
повсюду гремя над душой:
«Скажи, а готов ли ты к собственной смерти
— мучительной, страшной, чужой!?!»

2.

... Теперь и не вспомнить, когда и с какой же
треклятой нуждой такой,
ты вынул из сердца — на сердце похожий —
единственный свой золотой.

В тот миг, рассчитавшись,— не зажил ты снова,
лишь сдачей карманы набил.
Пустил в оборот неразменное слово
и душу свою разорил.

Напрасно сжимаются губы в ухмылку
— потери твои велики.
Сегодня разбили тебя, как копилку,
— и стыдно считать медяки.

1984

ПЕРЕДЕЛКИНО

Памяти Б. Пастернака

Электрички проносятся мимо,
На могилы закат не глядит.
Над отчизной витает незримо
хмурый гений гранитных плит...

Кем хранима ты, кем хранима, —
та земля, что под сердцем горит?

1978

ПАМЯТИ Е. К. ЛИВШИЦ

Так вот каков он — праздник скифский!
Каэр без права переписки
И с конфискацией семьи!
А ненасытная медуза

Над каждой люлькою Союза
Свивает щупальцы свои

И произнес убийца Бена:
«Иди, ищи ему замену.
Глядишь, и я тебе сгожусь?..»
Но нет, не общая природа
У «слуг» и у «врагов» народа:
— «Я с мертвыми — не развожусь!».

2 декабря 1987

ПАМЯТИ Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Растает снег, просядет холм багровый,
Озябшая провеется земля,
и ты сроднишься с новой основой,
с бескровной почвою судьбу свою деля.

В тебе одной все тлела, все горела
еще одна неистовая плоть.
И пела — та, а эта — сиротела,
но все исполнилось, как рассудил Господь.

Старуха вздорная, наперсница поэта,
девчонка глупая, умнейшая жена!
Вторая Речка — просочилась в Лету,
а строчки — повторяет вся страна!

... Но выполнив земное назначенье,
как докурив последний «Беломор»,
ты с пеплом мстительного обличенья
стряхнула смуту, злобу и раздор.

И сколько надо совести упорной,
чтоб ложные отшелушились зерна
и чистых линий просиял узор!..

Желчь гениальна, истине в укор,
но, как стрельба в упор, она позорна —
и лишь одна поэзия бесспорна!

1982